

ПОЛОЦК — один из древнейших городов Белоруссии — скоро будет праздновать свое 1100-летие. Городские кварталы широко раскинулись на берегах Западной Двины и Полоты. Не раз Полоцк уничтожался захватчиками. Эта земля обильно полилась кровью патриотов. Один из мостов через Полоту так и называется — Красный. В 1812 году здесь происходили бои между русскими и наполеоновскими армиями.

В годы Великой Отечественной войны полоцкая земля прославилась героическими делами партизан.

Сегодня Полоцк пользуется повышенным вниманием всей республики. Город давно залечил тяжелые раны, добротой отстроился, зазеленел новыми садами и парками. Сюда часто приезжают ученые, инженеры, писатели, композиторы, художники, артисты, студенты.

Но не одни древние памятники ныне привлекают сюда людей. В Полоцке строится первый в Белоруссии и один из крупнейших в Советском Союзе нефтеперерабатывающий завод. Он будет снабжать нефтепродуктами не только нашу республику, но и всю Прибалтику, и близлежащие области Российской Федерации. Нефть придет из далекой Башкирии. И когда я думаю о дружбе народов, передо мною возникают те стихи и речи, как бы они хороши ни были, а эта бесконечная нитка труб, которую тянут в Белоруссию наши братья — русские и башкиры.

А с юга, с Украины, все приближается к нам газопровод. В будущем году многие города Белоруссии получат газ.

Я часто бываю в Полоцке. Трудящиеся этого города оказывают мне высокую честь, избрав депутатом Верховного Совета БССР. Но не только депутатские обязанности заставляют меня навещать Полоцк. Я просто люблю этот славный город на Западной Двине и его замечательных людей. Если бы мне позволили разъяснить скептически настроенным иностранцам, как у нас в республике выносятся в жизнь ленинская национальная политика, закрепленная в Конституции, я непременно свозил бы их сюда. Смотрите, как белорусский народ пользуется правом на труд, на образование, на отдых! Вот наши заводы и стройки, школы и училища, больницы и поликлиники, библиотеки и клубы, наш краеведческий музей и наш народный театр... Вот наша политика равноправия, дружбы и братства, наша социалистическая демократия!

Над строительством Полоцкого нефтеперерабатывающего завода шефствует комсомол республики. Большинство строителей молодое, много среди них вчерашних десятиклассников.

Когда смотришь, как работает прославленная бригада Петра Блохина, сердце радуется за этих умельцев молодых парней. Да, эти построили гигант первой семилетки. И хорошо построили. Эти ребята трудолюбивы, просты, скромны. Они не произносят «красивых» фраз. Они просто хорошо работают, мечтают, влюбляются, критикуют «начальство» за недостаточный объем работы. Большинство из них где-нибудь учится. Как-то летом я беседовал с бетонщиком Александром Гуняным о делах, об учении, а потом он читал мне свои стихи.

...По спящей улице шагаю,
А ветер дует прямо в спину.
Пойми, товарищ, это утро
На теплый день не променяю.

Ведь в это ветреное утро
Я ощутил труда дыхание
И в строю вступила семья рабочей,
Кужеш для народа счастье.

С новым отношением к труду встречаешься повсюду. Написал эти слова и сразу вспоминал замечательную девушку Гаю Сергун. Ее бригада штукатуров пер-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 149 (4115)

Суббота, 5 декабря 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

КОНСТИТУЦИИ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Пимен ПАНЧЕНКО,
депутат Верховного Совета
БССР

Дневник ПИСАТЕЛЯ

вого дома, где работали ее товарищи:

— Пользуйтесь!
Я присмотрелся. Плиты, прикрепленные к потолочному перекрытию, были несколько деформированы.

— Штукатурку допускаются класть до сантиметра, а здесь приходится иногда делать задел до трех. Так и план не выполняем, и заработок у ребят будет малый. Но дело не в заработке. От натека штукатурка быстро отвалилась. А кто, спросит, штукатурил эти квартиры? Бригада коммунистического труда Гали Сергун. Стыдно и обидно.

Обязанности депутата ответственны и разнообразны. Конечно, есть просьбы о квартирах, есть у людей крупные и мелкие обиды, горести. По мере своих сил стараюсь помочь. Иногда к тебе обращаются с просьбами несколько неожиданными. На комбинате стройматериалов меня попросили:

— Помогите достать инструменты для духового оркестра. У нас, как видите, хороший клуб, есть средства, а инструменты купить не можем.

Вот и думаешь: а где, действительно, достать эти духовые инструменты и почему их так мало выпускают?

Но, понятно, это не главное. Живя и общаясь с прекрасными советскими людьми, глубоко чувствуешь, что строительству коммунизма стало кровным делом каждого советского человека. С великим вдохновением, энергией и преданностью белорусский народ выполняет исторические решения XXI съезда КПСС.

Советского человека интересует и волнует все: и урожайность колхозных полей, и строительство электростанций на сибирских реках, и полет космических ракет. Никогда раньше наша земля не знала такой кипучей активности самых широких масс. Никогда раньше нашей республике не были предоставлены такие широкие права, как теперь. Вся жизнь народа проникнута небывалым демократизмом.

Ведь за сессией Верховного Совета СССР недавно состоялась сессия Верховного Совета БССР. Утвержден план развития народного хозяйства республики на 1960 год, бюджет, приняты новые важные законы. Теперь депутаты разрабатывают по своим округам. Несколько дней назад встречался и я со своими избирателями. И что характерно — это по-

вышенный интерес к общереспубликанским, общесоюзным и международным вопросам. Замечательная поездка Н. С. Хрущева в США, его неумолимая деятельность на благо советского народа, его борьба за мир вызвали у людей подлинный энтузиазм, породили новые трудовые подвиги. А достижения нашей республики весьма значительны. Недавно ЦК КПСС сердечно поздравил белорусский народ с успехами в развитии сельского хозяйства, особенно в животноводстве и производстве кукурузы.

Перевыполняет план и промышленность республики. Бурно растет наш молодой рабочий класс.

Да, неузнаваемо изменились наша Белоруссия, наш народ! Он, народ, хорошо знает свои обязанности и свои права, записанные золотыми буквами в нашей Конституции. Он — настоящий хозяин своей жизни, хозяин умный, работящий, беспредельно преданный делу коммунизма. Отсюда та огромная любовь и уважение к Коммунистической партии, советскому строю, к нашим законам. Отсюда и та уверенность, что грандиозный план семилетки будет выполнен досрочно.

Солбон АНГАБАЕВ

РОДИНЕ

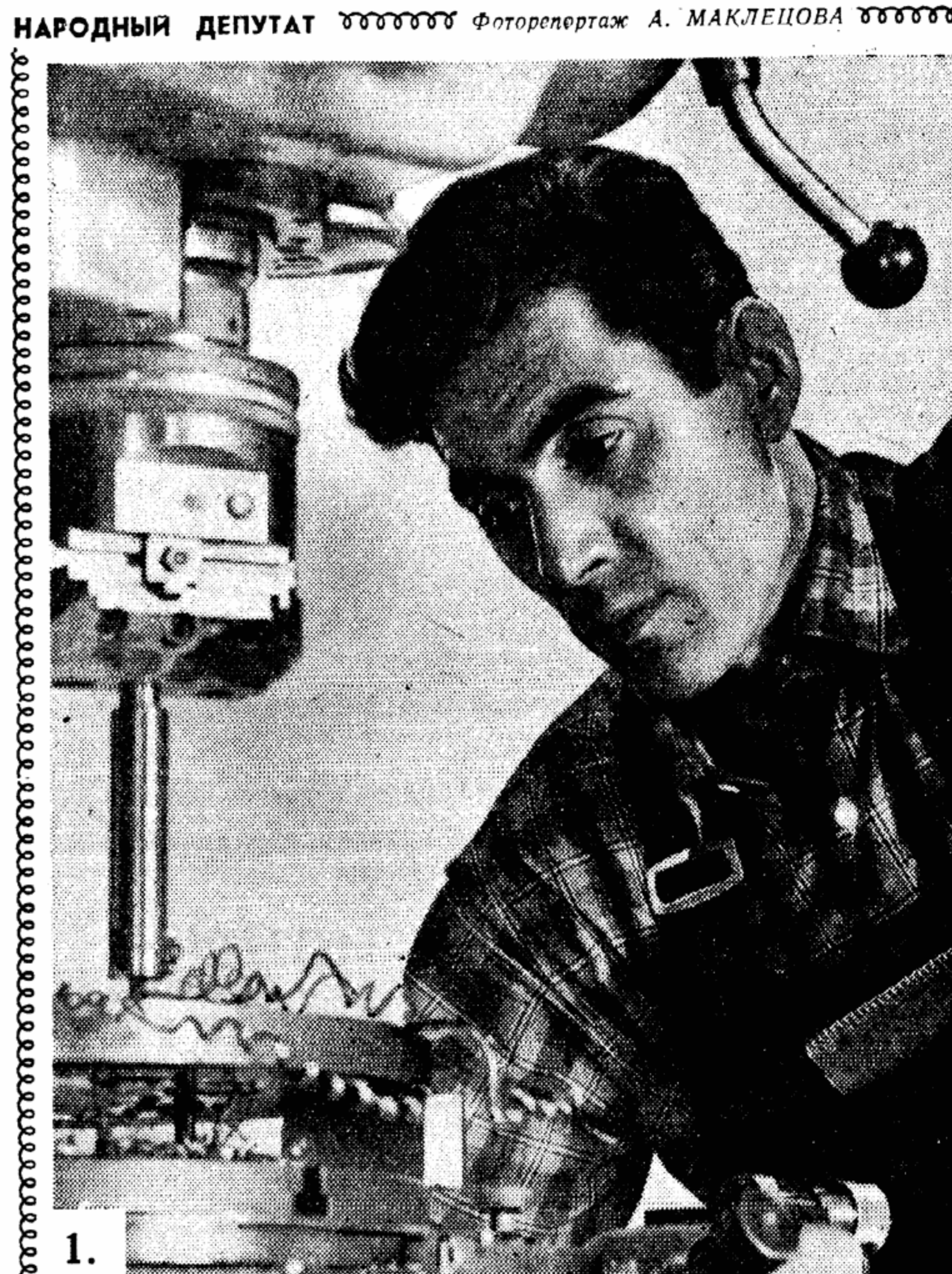
Родина!
Ко мне навстречу войди
в кумачовом, в заревом огне.
На тебя я не бывал в обиде
за судьбу, подаренную мне.

По твоим заданиям без счета
там, где воздвигались города,
на твоих неслыханных работах
я не утомился никогда.

Ты дала мне и поля, и воды.
Будь то мирный полдень иль гроза,
— мне друзьями —
все твои народы,
а глаза мои — твои глаза.

Завершая ль
задание за зданием,
сея травы, лыны ли тебе, —
я всегда дышал твоим дыханием,
жил тобою и любил тебя.
Мать моя
Советская Отчизна!
Постоянно, всюду и везде
буду верно жить
твоєю жизнью
я в твоих заботах
и в труде.

Перевел с бурятского
Вас. Журавлев

1.
У доброй славы — могучие, быстрые крылья. Они-то и разнесли по солнечной Армении молву о токаре высшего разряда Вагзене Рубеновиче Газаряне. Его трудовые успехи на электроставде имени Ленина, его хозяйское отношение к народному долгу, умение в маленьком увидеть большое, развить интересную инициативу высоко оценены тысячами избирателей, пославших его своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Для свободных — все высоты достигаемы!

В УСТА ОДНОГО из героев романа «Мать» Горький вложил такие слова: «Я знаю, — будет время, когда люди станут любить друг друга: когда каждый будет как звезда перед другим! Будут ходить по земле люди волевые, великие свободой своей... Тогда не жизнь будет, а — страдание человеку, образ его вознесется высоко, до свободных — все высоты достигаемы!»

Сказано по-горьковски поэтично и прозорливо. И вот сегодня, переосмысливая эти слова, думаешь: а ведь они — уже не мечта о прекрасном и замалчиваемом, до далеком будущем; время это уже пришло, уже наступило.

В самом деле, если пристально всмотреться в те новые явления и процессы, которые возникают в нашей жизни и становятся все более характерными для современного этапа развития советского общества, если попытаться осмыслить и как-то обобщить их, — перед нами отчетливо, во всей своей красоте и благородстве предстанут востину глубокие, замечательные изменения в духовном облике наших людей.

Мы любимеся, — да и как не заливаться! — молодой поросль советского рабочего класса, славными юношами и девушками — участниками движения бригад коммунистического труда и ударников коммунистического труда. Страна наша вступила в период развернутого строительства коммунизма, и они, зачинатели нового народного движения, уже сейчас, сегодня стремятся и трудятся по-коммунистически, приближая завтрашний день, и жить по-коммунистически — по законам новой морали — морали самого лучшего, самого справедливого общества на земле.

А разве можно не гордиться Валентиной Гагановой? Разве можно не радоваться тому, что ее патристический почин получил столь быстрое и столь широкое распространение? На предприятиях и стройках страны, в колхозах и совхозах тысячи и тысячи людей, вдохновленные примером Валентины Гагановой, не по обязанности, не по принуждению, а добровольно, по велению сердца идут на оставшиеся участки — туда, где труднее, где больше всего нуждаются в их товарищеской помощи, в их знаниях и опыте. Тем, кто мыслит категориями буржуазного мира, никогда не понять благородства души советского человека. В их сознании не укладывается, что поведением человека, его поступками могут руководить не корысть, а забота о благо коллектива, интересы общества.

О чем прежде всего свидетельствует массовое соревнование за право носить высокое звание бригады коммунистического труда или ударника коммунистического труда? О чем свидетельствует гагановское движение? О том, что труд во имя общества стал у нас для миллионов людей не только обязанностью, но и насущной жизненной потребностью, делом чести, источником подлинной радости и счастья.

НАСУЩНОЙ потребностью является у нас и непосредственное участие трудящихся в управлении государством, высокая активность советских людей во всех сферах общественной жизни. Свыше одного миллиона восьмью тысяч депутатов Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик, местных Советов и в несколько раз более многочисленная армия актива Советов бескорыстно, движимые сознанием общественного долга, ведут огромную и разнообразную работу, которую мы с полным правом можем назвать служением человеку.

Все это — результат подлинного демократизма нашего социалистического строя, демократизма, вошедшего за годы Советской власти в плоть и кровь нашего народа. Все это — плоды воспитательных усилий и великой организаторской деятельности Коммунистической партии.

Советская демократия вступила сейчас в новый этап своего развития. Чем характерен этот этап? Каковы его особенности?

Как известно, XXI съезд нашей партии наряду с решением экономических проблем уделил много внимания теоретической разработке вопросов политической организации общества, государственного устройства и управления в период развернутого строительства коммунизма. Съезд определил главное направление в развитии нашей социалистической государственности. Оно — это главное направление, состоит во всемерном развитии демократии, вовлечении самых широких слоев населения в управление всеми делами страны, в привлечении всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством.

Одна из характерных особенностей нового этапа в развитии советской демократии — постепенная передача ряда функций, доселе выполнявшихся органами государственной власти, общественными организациями. Скажем, вопросы культурного обслуживания населения могут и должны решаться при самом активном и самом широком участии общественности. Пусть больше будет у нас в стране университетов культуры, народных театров, хорошо работающих клубов и самых разнообразных самостоятельных кружков. Пусть при активном участии общественности репаются и вопросы здравоохранения, и вопросы физкультуры и спорта.

А как можно сделать общественность в борьбе с нарушениями советских законов и правил социалистического общежития, в охране общественного порядка и прав граждан, в предупреждении проступков, наносящих вред обществу? Все более важную роль призваны сейчас играть народные дружины, товарищеские суды и другие, подобные им самодельные организации. В нашей печати все чаще рассказывается о том, как своевременно и внятливо общественности помогают обшившемуся с правильного пути одуматься, исправить свое поведение и вернуться к общественным нормам — именуемым известными учеными — можно увидеть самые разнообразные плоды цитрусоз.

Моделю чудесном «Дерево-саде» разнеслась по всему земному шару. Поэтому ничего не было удивительного в том, что приезжающие в Сочи иностранные гости просили показать им это дерево.

— А не было ли и мне сделать прививку? — спросил пастор из Дании.

— Почему же — можно! — ответил Зорин и тут же стал показывать, как это сделать.

— Я тоже хочу привить! — заявил гость из Финляндии.

— И я! — сказал норвежец.

И рядом с биркой французского ученого г-на Эни появилась прививка и фамилия члена Всемирного Совета Мира Уффе Хансена — пастора из Дании, министра

под давлением народа, Французская буржуазия трусливо отказалась от принципов этой декларации. А прошло еще некоторое время, и мир узнал об организованных буржуазией расстрелах пролетариев на улицах и площадях Парижа.

Сейчас же в некоторых капиталистических странах отступили даже от буржуазного понятия о свободе и встали на путь открытого преследования прогрессивных организаций, на путь запрещения деятельности коммунистов и расправ над сторонниками мира. Как говорится, избави нас бог от такой «свободы»!

ИДЕОЛОГИЯ капитализма, его политика, философия, журналисты затрачивают массу усилий на то, чтобы всячески очернить социалистическую демократию, представить дело так, словно в СССР и других социалистических странах никакой демократии в общем-то и нет. В то же время они не скупились на похвалы буржуазной демократии. Страны, в которых властвует «его величество Капитал», они упорно именуют странами свободной мира. «Советская надо знать таким людям! Им можно сказать, что стыда у них нет, когда они утверждают, что капиталистические страны — это свободные страны», — говорил Никита Сергеевич Хрущев, выступая на приеме советских журналистов в Кремле.

Советские и стыда у господ капиталистов, действительно, никогда не было и нет. Вся история буржуазной демократии — это история обмана народа. На знамени французской буржуазной революции конца XVIII века были начертаны многообещающие слова: свобода, равенство, братство, но они понадобились буржуазии для того, чтобы привлечь на свою сторону массы трудящихся и с их помощью захватить политическую власть. Уже вскоре после «Декларации прав человека и гражданина», провозглашенной

под давлением народа, Французская буржуазия трусливо отказалась от принципов этой декларации. А прошло еще некоторое время, и мир узнал об организованных буржуазией расстрелах пролетариев на улицах и площадях Парижа.

Сейчас же в некоторых капиталистических странах отступили даже от буржуазного понятия о свободе и встали на путь открытого преследования прогрессивных организаций, на путь запрещения деятельности коммунистов и расправ над сторонниками мира. Как говорится, избави нас бог от такой «свободы»!

Верят ли они сами в то, что пишут в своих газетах, и в то, что провозгласят с трибуны своих парламентов о демократии, о свободе? Вряд ли! А обманывать народ в наше время становится все труднее и труднее.

Ныне уже более миллиарда людей земного шара на собственном опыте убедились, что подлинная демократия, подлинная свобода возможны лишь тогда, когда политическая власть находится в руках народа, когда народ становится полноправным хозяином своей страны и всех ее богатств, когда он завоевал самую главную и решающую из всех свобод — свободу от эксплуатации. Опыт истории подтверждает, что только социалистический строй создает для народа такие условия, при которых он может полностью развернуть свои творческие силы и показать, на что способен свободный человек.

Ведь для свободных, как мудро писал Горький, «все высоты достигаемы: и преобразование природы родной планеты, и освоение космоса, и успешное выполнение таких грандиозных планов развития экономики и культуры, как наша семилетка, и достижение великой цели — коммунизма».

В. КОСОЛАПОВ

Хайн даа, Москва!

С ЛОВО «восход» на любом языке, наверное, звучит радостнее, чем словом «закат». Это понятно: за восходом наступает день.

Да, утро всегда прекрасно. А еще прекраснее оно, если ты встречаешь его в Москве.

Семь часов утра... Мы стоим на Большом Каменном мосту. Мягкий, теплый снег первозданной чистоты. В этот час кажется, что кремлевские стены далеко-далеко, хотя дойти до них откуда можно скорее, чем томимая жаждой бурятка успеет выпить чашку степного чая. Кажется, что даже до самой близкой башни Кремля надо сканать на быстром коне. Это — из-за тумана, особенно густого здесь, на мосту, над Московской рекой... Седому туману помогают снег, падающие с серых небес крупные неторопливые снежинки, знающие себе цену в этом мире.

А за яркими, самыми яркими на земле звездами кремлевских башен высоко, между небом и землей, неподвижно застыли и мирно дремлют последние золотые шары — один пониже, другой повыше: купола Ивана Велико-

го. Храма и колокольни не видно. Они слились с синева-серым туманом, с самым воздухом.

В этот час бьют кремлевские куранты. И мы, двадцать восемь писателей Советской Бурятии, приехавшие в столицу, повторяем каждый свои собственные стихи о Москве.

Бывают минуты, когда даже самое теплое слово самого талантливого поэта не может до конца выразить думы твоего родного народа, передать тепло твоего родного очага, дыхание твоих родных мест.

Хорошо, что нам, поэтам, в эти дни помогли артисты Сахьянова и Абашев, Шудунова и Бадмаев, Гомбоева, Языкова, Линховоина и Арсаланов. — Своими танцами и песнями они добавили в нашу песню недостающие строки. На помощь поэтам пришли со своими степными, свежими красками и художники Мэрдигеев, Тимин, Павлов.

Радостно, что московские литераторы так заинтересованы, строго и доброжелательно разобрались наше творчество.

Ни с чем не сравнимы устремленности годы искусства и литературы — возрожденных народов! Хайн даа! Спасибо, Москва! Чинит ЦЫДЕНДАМБАЕВ

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:

- ★ Дневник писателя. П. Панченко.
- ★ Конституции солнечный свет.
- ★ В. Косолапов. Для свободных — все высоты достигаемы!
- ★ С. Смоляницкий. Баганский огонек.
- ★ Рассказ Г. Гулиа. Этот везучий год.
- ★ Стихи С. Ангабаева, Ю. Друниной, Л. Забашты.
- ★ Е. Сурков. Поэзия — в правде.
- ★ Б. Тихомолов. Дерево добрых чувств.
- ★ Из жизни «свободного мира».
- ★ А. Баранова. Отповедь американского журнала.
- ★ И. Левидова. Трудные судьбы.
- ★ Фоторепортаж А. Маклецова «Народный депутат».

С НОВОСЕЛЬЕМ, ДРУЗЬЯ!

СЕГОДНЯ открытие сезона Театра имени Моссовета в новом здании на площади Маяковского. От души поздравляем его коллектив с новосельем!

— Прекрасный подарок вам сделала столица к Дню Конституции, не так ли, Юрий Александрович? — Именно так! И мы с превеликой благодарностью принимаем этот подарок и поздравления московские, — говорит главный режиссер театра, народный артист СССР Ю. А. Завадский. — С самым теплым чувством мы вспоминаем наших зрителей, руководителей партийных и советских организаций Сталинского района, где мы «временно» прожили 12 лет. Но мы все очень рады, что получили наконец новое отличное здание.

— Надо полагать, что переезд с площади Журавлева на площадь Маяковского не останется просто переменной почтовой адреса? — Нет, конечно! Мы хотим верить, что этот переезд является новым этапом в нашем творчестве. Мы будем стремиться к тому, чтобы в каждом спектакле зрители были вовлечены в его действие, соучастниками в том, что происходит на сценической площадке. Отчасти это нашло свое выражение в некоторых наших прежних спектаклах. Но мы хотим проводить такой принцип более настойчиво в новых постановках, в частности в спектакле «Бунт

женщин» — одной из первых премьер нынешнего сезона. Это пьеса датского драматурга Кнута Сэндербо, она посвящена международной солидарности и борьбе за мир.

— Какие новые спектакли вы покажете в этом сезоне? — По-прежнему основное место в репертуаре займет советская пьеса, современная тема. У нас установилась творческая дружба с Николаем Виртой. Мы поставили его «Летом небо высокое» и готовим к постановке «Три камня веры». Первая наша премьера — комедия А. Софронова «Миллион за улыбку», которую автор называет «комедийной без нравочений». Репетируются пьесы С. Михалкова «Осторожно! листопад!», Т. Стыгиной «Первое свидание», Г. Тер-Григоряна «Последние гвоздики».

Две литературные даты 1960 года мы отмечаем толстовским спектаклем «Живой труп» и чеховским вечером: — Ваш коллектив недавно возвратился из поездки в Румынию. Отрадился ли она как-нибудь на театр? — Непременно. Мы были в Румынии вторично. Наша дружба с румынскими зрительями еще больше укрепилась. Один из лучших режиссеров Театра имени Каралдже С. Александреску приезжает к нам ставить спектакль, а я в свою очередь предполагаю поехать поработать в румынском театре.

Дерево добрых чувств

В Сочи, на территории опытной станции субтропических и южных культур, вот уже четверть века растет дерево, которым интересуются не только ученые- селекционеры, но и многие люди различных стран, рас, исповеданий и политических убеждений.

Сначала это было дерево гибридного мандарина, на котором научный сотрудник опытной станции кандидат сельскохозяйственных наук Федор Михайлович Зорин проводил свои опыты по выведению морозоустойчивых цитрусовых культур. Приезжающие в Сочи ученые, иногда споря с теоретическими выводами и предположениями селекционера, считали, однако, почетной обязанностью сделать на деревце свою прививку. Так появилось название «Дерево-сада», в круне которого рядом с этикетками — именами известных ученых — можно увидеть самые разнообразные плоды цитрусоз.

Моделю чудесном «Дерево-саде» разнеслась по всему земному шару. Поэтому ничего не было удивительного в том, что приезжающие в Сочи иностранные гости просили показать им это дерево.

— А не было ли и мне сделать прививку? — спросил пастор из Дании.

— Почему же — можно! — ответил Зорин и тут же стал показывать, как это сделать.

— Я тоже хочу привить! — заявил гость из Финляндии.

— И я! — сказал норвежец.

И рядом с биркой французского ученого г-на Эни появилась прививка и фамилия члена Всемирного Совета Мира Уффе Хансена — пастора из Дании, министра путей сообщения и общественных работ Клевензана из Финляндии и общественного деятеля г-на Ханса Клевензана из Норвегии.

Дерево росло, росла его лавла. К 1957 году на нем было около сотни этикеток на двадцати языках, а сейчас — около двухсот и уже на 53 языках мира.

Пышная крона, отогнувшаяся развесистыми плодовыми ветвями, требовала все больше и больше питательных соков. Кори деревце явно не справлялось с этой задачей. Тогда Федор Михайлович подсадил вокруг несколько трех-четырехлетних деревьев гибридного лимона и апельсина, привил их к «Дереву-саду», и теперь оно стоит, как бы «опираясь» на четыре столба.

Сейчас это дерево уже нельзя назвать ни лимоном, ни апельсином, ни мандарином.

— Это «Дерево Дружбы», — сказал ветнамский врач.

— Да, — согласился с ветнамцем министр сельского хозяйства и торговли Либерии г-н Рио Моррис. — Этим деревом сама природа подтверждает необходимость сотрудничества людей разных национальностей и убеждений.

Так появилось название: «Дерево Дружбы».

В прошлом году на нем сделал прививку Поль Робсон. В память об этом Федор Михайлович подарил ему маленький садовый ножик. А вскоре приехавший в Сочи гость из Суэцких метро тов попросил для себя сувенир, «как и Поль Робсон».

— Откуда вы узнали об этом подарке? — заинтересовался Зорин. — Ведь вы живете так далеко друг от друга.

— Далеость дружбы не помеха! — ответили индонезийцы.

Год назад на опытную станцию приехали гости из Румынии, Болгарии, Чехословакии, Германии и Польши. Им тоже очень хотелось получить в подарок инструмент мира», а для этого надо было сделать прививку. Но шел дождь. Все было в кисточку, только чехи в плащ.

— Да куда же вы пойдете — дождь ведь! — сказал Зорин.

— Дождь дружбе не помеха! — ответили чехи. — Мы будем всех по очереди одевать в наши плащи.

Теперь уже каждый гость, привив к «Дереву Дружбы» свою веточку — «эстафету сувенира», — желал получить сувенир — маленький ножик. И как — волновал всех этот подарок!

Часть приходилось наблюдать Зорину выражение глубоких чувств перед «Дерево Дружбы».

Вот, склонив голову, молятся рослый человек в черном облачении. Это негр Джеймс Очасти, католический епископ, борец за мир.

Известный китайский певец Чжан Го-лин, пресловутый певец восторга, встал перед деревом и спел песню о любви, дружбе и мире.

Нескончаемым потоком идут к Зорину письма. В них слова приветия и законного беспокойства: «А прививка ли моя веточка?». «Прививка!» — отвечает Зорин, и посылает фотографию прививки.

Хорошо расцветает Дерево Венародной Дружбы! Оно приносит человечеству сладкие, душевные, обильные плоды.

Б. ТИХОМОЛОВ,
Герой Советского Союза,
СОЧИ

2. Часто, очень часто можно увидеть Вазгена Рубеновича среди молодежи, школьников, воспитанников детских садов. Их заботы — его заботы, их радости — его радости. Вот он пришел и ребята одного из детских садов. С этими гражданами разговор серьезный. Требования у них много. Надо все выслушать, запомнить и обязательно выполнить.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ЦЕЛЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

В СТАТЬЕ «Герои, кто они?», опубликованной в «Литературной газете» 3 октября, рассказывается о подвиге матроса-черноморца Николая Кокарева, погибшего в фашистском застенке в Керчи. С необыкновенным волеванием я прочел историю этого мужественного человека.

Однако теперь со мной произошло нечто необыкновенное. С тех пор, как я прочитал статью в вашей газете о Николае Кокарева, я твердо решил, что буду военным моряком. Я, Николай Кокарев, должен встать на место погибшего героя! В этом — цель моей жизни.

Николай КОКАРЕВ

г. ФРУНЗЕ, ст. Днишен. Интернат школы № 344.

ШЕСТИДЕСЯТИЛИТИЕ К. ГОРДИЕНКО

Общественность Харькова отметила шестидесятилетие со дня рождения и сороклетие литературной деятельности украинского писателя Константина Алексеевича Гордиенко.

Юлия ДРУНИНА СОВРЕМЕННОКИ

Мы — современники ракетных Летающих Солнц Кораблей. Что нам, казалось бы, до бедных Курлыкающих журавлей? А может, вправду, устарели, А может, вправду, не нужны И соловьев полных трели, И плеск волны, и блеск луны? Непрлада — мы не стали суше: Чем ближе до чужих миров, Тем горячее в наших душах И земная поэзия.

Любовь ЗАБАШТА

МЕРТВЫЕ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ

Под плитами надгробий — Карл и Роза. И дух бессмертный Тельмана в аллее. Тут аромат глицерин и мимозы. Топьляны кровью пролитой алейю. Мы ехали сюда от Гретхов-парка, Вращенного немецкими руками, Где до ночи пылают канны жарко Над павшими советскими бойцами. Там небу скорбь склоненных знаваний. Не смейте в веках слезами дождя, Там не царят могильные молчанья. Там говорят убитые с живыми. Предупреждают мертвые: «Живым Могилы наши — горькая наука. В расцвете сил мы под землей спим. Да будет мир этот сон порокой! Да будет мир, чтоб мог насило смертью Солдат, ребенка спасши, с пьедестала Сойти в аллею к травам и цветам, Перекованши меч свой на орало!»

Перевод с украинского ДМИТРИЙ СЕДЫХ

ЭТО БЫЛО 27 ноября в филлале Большого театра.

В этот вечер оперой «Побратимы» открылась Декада бурятского искусства и литературы в Москве. Только что закончилось первое действие, перенесшее зрителя в Москву петровских времен, а затем в густой забайкальский лес на берегу реки... Только что прозвучал удивительный, полный неповторимой красоты голос Лхасарана Линховойна, лучшего певца Бурятии.

Начиналось второе действие. За дирижерским пультом снова появился одетый в строгий фрак юноша бурят, и зрительный зал встретил его трехминутной овацией.

Рядом со мной сидел пожилой московский рабочий. Интересно было узнать, — сказал он, — откуда этот паренек, который не побоялся дирижировать в Большом театре? В программе написано «А. Арсланов». А еще сказано, что роль молодого русского заказчика тоже исполняет А. Арсланов. Кто-то я не пойму: и дирижер, и певец одновременно? А может быть, это братья? Интересно было бы узнать: кто такие?

Я передал эти вопросы моего соседа дирижеру Арсланову. Юноша повел мне, вероятно, очень обычную историю, хотя это была история первого дирижера бурят... Если вы знаете карту Читинской области, то, вероятно, без труда разыщите в безбрежной агинской степи селение Цокто-Хангал.

Дети! Их было шестеро... Старший сын Аюр ныне работает в агинском промкомбинате, второй — Балжи — колхозник, чабану по примеру отца, третий — Абгалан — погиб на фронте. Четвертый — Абида — начал чабанить, потом, обучившись, стал статистиком. Унаследовав от отца и матери любовь к пению, он занимался в кружке, а в 1939 году ушел в театр, стал профессиональным певцом, удостоился звания заслуженного артиста республики, и в тот вечер, когда москвичи восторжались оперой, он пел партию Демьяна.

Пятая была сестра Хандама. Она и сейчас живет в агинской степи и работает в чайной. Самый младший — Аюша — стал первым бурятским дирижером. Как же это произошло? Аюша в школе пел, играл на баяне. Отец был старый, мать хлопотала по хо-

Братья из Цокто-Хангала

жизни Юнога бурятского дирижера. Один почетный музыкант москвич после репетиции подошел к Аюше и дружески поговорил: — Не волнуйтесь, коллеги, ничего-ничего... Это, конечно, Большой театр и все такое прочее, но, право, молодость берет города! Я не буду здесь говорить о том, как на премьере декады отменил звукоряд оркестра, как левая рука его «хозяйина» порой придерживала «медь», как пожелательный дирижер властвовал на сцене... Это, конечно, был трудный и волнующий экзамен. Но Аюша твердо вел оркестр, хор, солисты, весь спектакль. Он знал, что оперу слушает вся страна — и друзья-студенты в Ленинграде, жена, товарищи в Улан-Уде, наконец, земляки в далеком Цокто-Хангале.

Пока она еще очень коротка. Аюша учился в Улан-Уде, потом — в Казанской консерватории. И если А. П. Кудрявцев готовил ученика в кларнетисты, то С. А. Казачков заронил в душе юношу мечту о дирижерской профессии. Мечта казалась далекой, недоступной, но русские педагоги умеют сокращать расстояния в будущее. С их помощью Арсланов-младший двинулся по трудному пути. И ему казалось, что дорога прямо и не так уж тяжела, хотя... Вслед за отцом умерла мать, пришлось бросить учебу и возвратиться домой. Курс музыкального училища по хоровому дирижированию был закончен экстерном. Работал в колхозе, в районном Селевнинском доме культуры. Наконец его пригласили в Улан-Уде, в оперу, сначала хормейстером, затем дирижером.

Впервые Аюша стал дирижерским пудит год назад. В этот день в театре шла детская опера «Волк и семеро козлят». Опытные дирижеры театра В. Васильев и В. Маймусов похвалили юношу с первым успехом, сделали, разумеется, много ценных замечаний.

Теперь Аюша Арсланов — студент первого курса Ленинградской консерватории. Целью год работал он над подготовкой «Побратимов». Юношу увлекала прозрачная музыкальная ткань спектакля, ее национальная основа.

Спектакль, открывавший декаду, был четвертым по счету в профессиональной

жизни Юнога бурятского дирижера. Один почетный музыкант москвич после репетиции подошел к Аюше и дружески поговорил: — Не волнуйтесь, коллеги, ничего-ничего... Это, конечно, Большой театр и все такое прочее, но, право, молодость берет города! Я не буду здесь говорить о том, как на премьере декады отменил звукоряд оркестра, как левая рука его «хозяйина» порой придерживала «медь», как пожелательный дирижер властвовал на сцене... Это, конечно, был трудный и волнующий экзамен. Но Аюша твердо вел оркестр, хор, солисты, весь спектакль. Он знал, что оперу слушает вся страна — и друзья-студенты в Ленинграде, жена, товарищи в Улан-Уде, наконец, земляки в далеком Цокто-Хангале.

Когда спектакль и многократные вызовы кончились, мой сосед, назвавший себя Николаем Андреевичем и оказавшийся мастером одного из московских заводов, сказал мне: — А дирижер-то молодчинка! Совсем, можно сказать, паренек и вот же он струсил в Большом театре... И братец его певец тоже, как говорится, на уровне. Интересно, доложу вам, коммюнике получается... Мне оставалось лишь согласиться с Николаем Андреевичем: действительно, жизнь и искусство братьев Арслановых из далекого улуса Цокто-Хангал составили весьма важное в наше время, хотя и необычное «коммюнике», над которым стоит поразмыслить и неким западным политиком, утверждающим, увы, и сейчас, что народы Азии и Африки якобы еще, видите ли, не «сорезали» для самостоятельного общественного развития.

Пустяки это, как бы ни говорил дирижер Аюша Арсланов, и послушайте, как поет его брат Абида, и злобно поразмыслите о «коммюнике» московского мастера. Это будет им полезно! Н. МАР

Дружба литератур — дружба народов

— Дорогие гости! Приветствуем вас, прибывших в нашу древнюю столицу, в наш город, столь богатый литературными традициями. Мы здесь всегда гостеприимно встречаем всех, кто прибывает к нам с открытым сердцем. Спасибо вам, что вы приехали.

С этими словами приветствия секретаря правления Союза писателей Литвы пост Ю. Маршнинявичюс к русским поэтам и критикам, прибывшим в Литву на Неделю русской советской поэзии. В Вильнюс приехали москвичи М. Светлов, Б. Слуцкий, В. Захарченко, В. Тшолова, Л. Озеров, Р. Роджерсевичский, В. Огнев, Д. Блинский, Н. Старшинов, Ленинградцы О. Шестинский, Б. Лихарев.

Гости и литовские писатели встречались со студентами и преподавателями Вильнюсского государственного университета имени В. Каласюкаса, Вильнюсского педагогического института, с рабочими и служащими Вильнюсского завода электротехников и завода «Эльф». Под председательством А. Венцловаса состоялась большая литературная вечер в Государственной филармонии. Затаив дыхание, слушал зал «Гренаду» Михаила Светлова. Со сцены попеременно звучали русские и литовские стихи. Новые переводы русских советских поэтов прошли

А. Венцлова, Т. Тильвинчик, В. Мозурюнас, В. Реймерис, А. Валтисис и другие. Гости посетили Каунас, где состоялся вечер-встречи с читателями, строительство Каунасской ГЭС, крупнейшее предприятие города, мемориальный музей Патраса Цяврики; возложили венок на могилу Саломеи Нерис. Побывали в городе Укмерге. Всюду их встречали с братской теплотой и любовью, буквально разбрасывая записками с просьбой прочесть стихи, рассказать о своих творческих планах.

По возвращении в Вильнюс состоялась беседа с литовскими писателями. Это был живой, интересный разговор о судьбах поэзии и поэтов, о том, как сделать нашу поэзию еще более близкой, необходимой людям. Президиум Верховного Совета Литовской ССР наградила москвичей и ленинградских литераторов — участников Недели — Почетными грамотами. Дни русской советской поэзии в Литве прошли с большим успехом. Они еще раз красноречиво подтвердили, что дружба поэзии — это дружба народов. Вильнюс. (Наш корр.)

БАГАНСКИЙ ОГОНЕК

АНГЛИЙСКИЙ клуб, село Баган, Сибирь, СССР... Почти три года прошло с тех пор, как письмо с таким необычным адресом пошло в руки школьника далекого сибирского села, выросшего среди бесконечных просторов Вудландской степи. Да и само письмо было необыкновенным: под словами сердечного приветия и дружбы стояла подпись мужественного борца за мир и большого друга нашей страны Поля Робсона.

Покалуди, именно тогда сибирские школьники так ясно почувствовали, как важна их работа, какой горничий отклик находит она в сердцах друзей Советского Союза во всем мире. О том, как незаметно для самих ребят школьный кружок английского языка превратился в английский клуб, а английский клуб в интернациональный, завязавший дружеские связи с многими странами и континентами, о том, как ребята в письмах к своим корреспондентам говорят правду о нашей стране, — уже было рассказано читателям «Литературной газеты».

И вот прошло два с половиной года — время замечательных свершений в жизни нашей страны. Время спутников, величайших достижений советского общества. И год 1959-й, ознаменованный поездкой главы Советского правительства товарища Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки — миссией мира и дружбы, открывшей перед народами новые перспективы мирного сосуществования.

Есть события, которые касаются всех. И чем масштабней эти события, тем больше значат они в судьбе каждого человека. Это очень хорошо почувствовали баганские школьники. Их уже не удивляет, что скромный клуб в степном сибирском селе, исчерпанными друзьями которого стали выдающиеся зарубежные борцы за мир, приобрел славу и известность далеко за пределами нашей Родины как один из тысяч очагов мира и дружбы между народами.

Что ж, так и должно быть. Ведь живут они, эти ребята, в Стране Советов. И пусть о разных дорогах в жизни мечтают сибирские школьники, и сами они, конечно, очень разные, но есть у них общее — то, что воспитано всем строем, всем укладом нашей жизни: уважение к людям труда, горячее сочувствие борцам за свободу и счастье для всех.

Как и тогда, от станции к школе мы идем вместе с ребятами. Заснеженная дорога ведет мимо элеватора, лиственных домиков, сейчас таких же белых, как и век вокруг. Холодный ветер бьет в лицо. Ему, привыкшему гулять на безбрежных степных просторах, словно тесно здесь, и он злится, крутит поземку, раскидывает вальную снежную пыль. Приехавший к железной дороге поселок. Прямые улицы, сразу же за последними домами сливающимися со степью. Сугробы, подступающие к окнам. И три высокие трубы — элеватор, водонапорная башня, двухэтажная школа на пригорье.

нижки: ребята из тоблянской, сучумской, свердловской школ... «Есть у нас два спутника, только они не искусственные, как у Земли, а естественные», — вспоминали мне слова ветерана клуба Виктора Киршова, сказанные раньше. И теперь Лида, продолжая свой рассказ, сказала почти то же, что и Виктор, и так же убежденно: — А вообще-то спутников у нас много: все те, кто хочет мира и дружбы.

Лида говорит так потому, что ребята почувствовали, что такое солидарность борцов за мир во всем мире. В этом члены клуба видят и «секрет» его необыкновенного роста; если говорить и о заочных членах-клуба, получается внушительная цифра: более двухсот человек — молодые школьники, рабочие, учителя, ученые... Перемены замечательны и в самом школьном кабинете иностранных языков, где идут заседания клуба. И дело не только в том, что пополнилась библиотека и фототека клуба, но в самом оформлении стендов, стеллажей газет чувствуется и умение отобрать главное, самое ценное, и то богатство материалов, которое позволяет это сделать. И еще появился в клубе новый уголок, с которого, быть может, начнется его история, — портреты пяти президентов клуба, уже перешагнувших, кто раньше, а кто позже, порог школы.

Сразу привлекает внимание и большая карта мира с разноцветными лампочками. Каждая лампочка — это дружеский огонек, далекий корреспондент клуба. Их много, этих огоньков, — в Европе и Америке, в Азии, Австралии, Африке, Новой Зеландии. Клуб ведет переписку чуть ли не с тридцатью странами мира.

...Фотографии президентов клуба, его основателей — хорошие открытые лица обыкновенных советских школьников. И, помнится, два года назад невольно возник вопрос: кем же станут ребята, зажегшие первые огоньки на этой карте? Как знать, думалось тогда, возможно, в энциклопедии будущего мы прочтем и такие, например, строки: «В СССР один из первых сельских английских клубов был открыт в 1955 году в поселке Баган Новосибирской области. Клуб этот пользовался популярностью в школьных кругах СССР, а также в демократических кругах многих зарубежных стран. В числе его членов были известные...»

А, может быть, и совсем неизвестные. Да и не в этом дело. Главное, что все они будут честно трудиться, смело и открыто глядеть в глаза людям, и вот теперь уже можно сказать: и за пределами школы и родного Багана ребята идут по первой дороге. Первый президент клуба Гая Малурич кончает Новосибирский медицинский институт. Вали Делова учится в Кубышевском педагогическом институте. В далеком будущем инженер-электриком станет Александр Недосветий, который вел первый памятный вечер, посвященный Полю Робсону. Юлия Борун и Лида Николаева — студентки Новосибирского педагогического института; Люба Сердюкова, Володя Власенко — студенты Московского педагогического института имени Ленина. И, конечно же, все они оста-

лись искренними друзьями клуба. ...Мы садимся за стол. Руководитель клуба учитель Плоткин достает толстые папки с письмами, альбомы, книги. Лида Абаскалова бережно перелистывает драгоценную книгу известного ученого, прогрессивного общественного деятеля, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» У. Дюбуа «В борьбе за мир».

Борьба... Это слово часто прозвучит в письмах, и ребята прекрасно знают, какие трудности приходится преодолевать борцам за мир в капиталистических странах. «Так же, как и вы, я хочу мира на земле», — пишет Чарльз С. из Чикаго. — Из-за моей деятельности в пользу мира и взаимопонимания между народами меня считают коммунистом. Люди же, которых в Америке считают коммунистами или социалистами, или просто свободомыслящими, испытывают самые невероятные претепствия на каждом шагу. Вот как обстоят дела здесь, в «свободной» стране! Чарльз С. просит рассказать как можно больше о советском народе. И таких писем много, очень много.

Вот мы и говорим правду о нашей стране, — медленно произносит Лида. — А это так важно... В свое время деятельность клуба оценил как выдающуюся президент Американско-русского института культурных связей с Советским Союзом, член Бюро Всемирного Совета Мира профессор Холланд Роберт, который недавно сердечно приветствовал Никиту Сергеевича Хрущева в Америке. А вот новое свидетельство. От Чикагского совета американско-советской дружбы пришла письмо: «Позагауйста, передайте всем членам клуба, что мы те, кто борется за дружбу между американским и советским народами... Мы уверены, что мир состоится. На место истории «холодной войны» у нас постепенно приходит громадный интерес к вашей стране, в особенности в среде молодежи. И здесь работа, которую организует ваш клуб, имеет большое значение: атмосфера дружбы среди молодежи разных стран очень много значит! Вот почему мы так высоко ценим контакты между нашим советом и вашим клубом...»

А вот письма из стран социалистического лагеря — Китая, Чехословакии, Германской Демократической Республики... Это большая сердечная дружба. Ребята рассказывают друг другу о своей жизни, о своих мечтах. Не среди всех писем последней почты есть такие, которые откладывают отдельные, читают с особенным вниманием, их становится все больше и больше, — это письма, посвященные поездке Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки.

Знакомым и явным словом «огонек» назвали баганские школьники свои клубные вечера. В зимнюю стужу, когда покрывается под ногами снег и в вечерней синеве слабо белеет дома и сугробы, люди идут к ярко освещенной школе. Там можно услышать немало интересного; так звучит музыка, пение. Разные «огоньки» загораются на клубных вечерах, где ребята рассказывали и о Поле Робсоне, и о новых книгах, и о жизни и борьбе молодежи в зарубежных

странах. Вот и сейчас приехавшая из Артека ученица седьмого класса Рая Федорова, готовится стать «хозяйкой «огонька», посвященного дружбе пионеров всех стран. А потом — индийский «огонек». Одним словом, планы большие, и работы немало.

Но самый важный, самый интересный «огонек», к которому с увлечением готовится ребята, посвящается поездке Никиты Сергеевича Хрущева в Америку. Естественно говоря, это не совсем «огонек», потому что не один баганские школьники участвуют в этом большом вечере, который состоится в Доме культуры, но член клуба здесь по праву принадлежит далеко не последнее слово.

«С восхищением следил за триумфом Хрущева», — пишет девушка из Улан-Олата, которую зовут Валдамант. — Он завоевал не только сердца американцев, но и людей всего мира. Мы восхищены мудростью и остроумием Хрущева и очень хотели бы, чтобы глава нашего правительства побывал бы и у нас. Да, Хрущев — подлинный представитель советского народа!»

Нью-Йоркский шофер Гарри Гроссман пишет баганским ребятам: «Мы в Америке были счастливы увидеть мистера Н. С. Хрущева и членов его семьи. Он, по моему мнению, великий человек. Я твердо надеюсь, что его визит и предстоящее посещение могучего Советского Союза нашим президентом приведет к настоящему миру и дружбе...»

«С большим интересом прочитал о поездке вашего премьер-министра по США. Он великий боец. И я знаю: мир и добрая воля обязательно победят на земле!» — это письмо учителя Дитер Меннига из ГДР.

А вот еще: «С большой радостью прочитал я речь Хрущева», — пишет юноша Роджер Стонт из Манчестера. — Замечательные успехи, которых достиг советский народ под руководством Коммунистической партии, вдохновляют нас. И еще, и еще письма... Ребята бережно перебирают их.

— Помните, — говорит ученица 10-го класса Ольга Вухмилер. — Ведь это голоса людей из разных стран, это мнение народов! И мы обязательно прочтем эти письма. Я попадаю на репетицию, вижу, с каким воодушевлением трудятся ребята, и мне очень жаль, что придется уехать, не дождавшись этого интересного вечера. Ольга Вухмилер произнесет и вступительное слово. Она расскажет о встречах с Н. С. Хрущевым, о тринадцатидневном туре по Америке. Затем выступит заведущая парткабинетом Влобина. А потом члены клуба прочтут стихи, заученные на русском и английском языках. Да, ребята покажут две Америки: капиталистическую, Америку бизнеса и другую — демократическую, борющуюся, народную... И еще они покажут, как велики и могучи силы мира во всем мире и какой любовью и уважением народ пользуется наша Родина.

И, как написал нам руководитель клуба Плоткин, все произошло именно так. «Зал был переполнен. Мест не хватало, и многие стоят. Каждое выступление сопровождается аплодисментами. И возникло удивительное ощущение: нет артистов и зрителей. Все — участники вечера. Люди прямо из зала выходят на сцену и говорят ярко, интересно. Потому что слова идут от сердца...»

На севере, у реки Юг...

НИКОТО, ни один человек здесь не знал его. А собралось в правлении немало народу — человек сто пятьдесят. Белянин, недобрый на слово старик, сказал, усаживаясь в первом ряду: — Тринадцать председателей я уже видел, и они со мной знакомы... Посмотрю на члена двадцатого — не последний, видеть, на моем веку... Алексеев сидел у края стола и слушал, что говорит о нем директор Никольской МТС. Впервые он увидел его сегодня утром. В райкоме они стояли рядом у кассы райкома. Москвичу, тридцатитрехлетнему Владимиру Сергеевичу Алексееву, представили право выбора. Но что можно решить, глядя на название северных колхозов: «Юг», «Заря Востока».

— Поеду, где нелегко, — сказал он. И вот в вагоне с директором МТС, членом бюро райкома, они добрались до «Восхода». Здесь было совсем нелегко: на текущем счету колхоза... 17 копеек. — Вопросы есть? — спросил директор МТС, рассказав собранно все, что он знал об Алексееве.

Вопрос не было. Так, в ноябре 1955 года Алексей избрали председателем колхоза. Ровно через четыре года мы с ним встретились в селе Филин-кин починок — одном из четырехдцати сел, входящих в сельхозартель «Восход».

— Почему вы решили избрать самый нелегкий колхоз? И с чего вы начали? — спросил я Алексеева, высокого, худощавого брюнета в пальто нараспашку, карманы которого раздулись от блокнот, словно передо мной был боец по профессии, вернувшийся из длительной поездки.

теть лен. Со льна он, собственно, и начал. Пригласил он Марию Константиновну Подольскую, женщину из колхоза имени Пушкина, специалистку по льну. Приехала она вместе с секретарем райкома. Собрали женщин «Восхода» и Подольская показала всем список льна, пережавший тугой завязкой. — Где лен, там и достаток, — сказала она. — В старину говорили, что лен три раза родится: в поле, на стилие и сортировке. И каждый раз, если только мать присмотрит, быть богатырю.

— Мы как-то льнули... Она тронула прядь своих светлых волос, обвела рукой сидищих в помещении, показывая, что у всех у них, истых северян, лен выбивается из-под платков. — Югские, — сказала Подольская.

Забывая слово прошумело в зале. Югский лен, местный сорт, давно заброшенный нерадивыми хозяевами, забытый, воскрес в этот день... Служ о том, что в Филинкинском почишке появился новый хозяин, который

строит коровные хузки для скота, скотные дворы с водопроводом и электричеством, подвесную механическую дорогу, пичник, закупает племенной скот, планирует поселок, где дома будут с паровым отоплением, дошел до всех, кто оставил когда-то «Восход». Не только из ближайших районов, куда уехали когда-то многие, но даже с плодородной, богатой Кубани начали возвращаться в родные северные села колхозники.

— Два с половиной миллиона дохода в этом году принес «Восход» югский долгуец. — Когда мы выходили на правление колхоза — было это поздно вечером, — подошел ко мне старик и спросил, не за Алексеевым ли мы приехали... Другой район на подмогу. Мы успокоили старика. — «Восход» не отстанет, — сказал старик и представил: — Петр Иванович Попов, работаю в животноводстве, 1650 трудодней. А ЛАЗЕБНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» Никольский район Вологодской области

3. Обычно после очередной сессии Верховного Совета Вазген Рубенович подробно рассказывает товарищам по цеху о том, какие вопросы обсуждали народные избранники.

РЕШАЯ ТРУДНУЮ ЗАДАЧУ...

много километров, приходил Саша Иващенко на занятия труппы.
Саша — 26 лет. К сценическому искусству он приступил еще в школе: играл Яворова в пьесе Тренера, Хлестакова в «Ревизоре» и много других ролей. В годы службы на флоте Иващенко окончил курсы по художественному чтению. Роль Ленина захватывала его целиком.
— Я стал постоянно думать о том, — говорит Саша, — каким был наш Ильич. Прочитал много литературы о Ленине и о том, как работали над воссозданием его образа на сцене и в кино лучшие мастера советского искусства. Репетировать приходилось в поле, в лесу, даже... во сне. Мне часто представлялась встреча с Владимиром Ильичем в наши дни, я мысленно беседовал с ним о наших комсомольских делах и чувствовал, какое огромное, обогораживающее влияние оказывает на меня бесконечно дорогой нам всем образ...
В день премьеры клуб Наро-Фоминской прядильно-ткацкой фабрики выглядел необычно торжественно. Вместе с передовыми производителями и колхозов, интеллигентской района на открытие театра приехало много гостей из Москвы. Среди зрителей — автор пьесы Д. Зорин, народный артист РСФСР Н. Анненков, играющий в постановке этой пьесы Малого театра одну из главных ролей.
За кулисами идут последние приготовления. Над Сашей склонился опытный гример из Москвитина А. И. Андриан.
— Поверят ли... — волнуется Саша.
— Зрители поверили. Поверили не только исполнителю роли Ленина, но и всем остальным участникам спектакля. Успех, выпавший на их долю, превзошел самые оптимистические предположения.
Поздравляя молодого творческий коллектив, народный артист РСФСР Николай Александрович Анненков сказал:
— Вы взяли за очень трудную задачу и успешно решили ее. Нас всех волновала и радовала ваша искренность, серьезность, полная отдача искусству своего горячего сердца. В этом и заключается секрет вашего успеха.

Александр Иващенко или, как его все называют просто Саша, секретарь комсомольской организации колхоза «Дружба», — один из сорочка артистов труппы первого в Подмосковье и, пожалуй, самого молодого в стране Наро-Фоминского народного театра. Когда идея создания такого театра созрела, будущие его артисты решили начать только с большого и трудного спектакля. Единственно выбрали пьесу Д. Зорина «Вечный источник». В этой постановке Саше Иващенко предстояло решать самую ответственную задачу — создать образ Ленина.
Работа над спектаклем, — рассказывает режиссер Анатолий Федорович Милевант, — близилась, сдружилась всех участников труппы. Это было подлинно самоотверженное творчество людей разных возрастов, профессий, но одинаково горячо увлеченных и преданных искусству. Три месяца подряд уходило в ночную смену исполнитель роли Захара рабочих А. Грибков, чтобы не пропустить репетиции. А победных примеров много. Но труднее все, конечно, пришлось нашему главному герою. Нередко в бездорожье, пешком за

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Так спорить нельзя

В 26-м номере журнала «Крокодил» за 1959 год опубликован фельетон В. Назаренко «Посмертные и насильственное построение Александра Блока». В этом фельетоне в издевательском тоне говорится о статье Л. Долгополова «Девятиднью» Ал. Блока (Идейная основа поэмы), помещенной в восьмом томе «Вопросов советской литературы» (изд. Академии наук СССР).
С положениями статьи Л. Долгополова можно соглашаться или не соглашаться, но поставленный в ней вопрос о сложности восприятия Блоком революционных событий не допускает фельетонного отношения. Общеизвестно, что путь поэта к революции не был простым. Блок пережил под влиянием Октября огромный подъем, но в его восприятии революции отразились и неизжитые представления, связанные с традициями символизма. Отрицая это, В. Назаренко становится на чуждый духу советской науки путь «улучшения» истории.
Но мало того. В. Назаренко сочиняет оскорбительные прозвища, желая во что бы то ни стало опорочить имя молодого исследователя.
Бесцеремонность В. Назаренко делает серьезную полемику с ним невозможной, тем более, что приводимые им цитаты не только не исчерпывают содержания статьи, но толкуются столь произвольно, что становится очевидной установка на нарочито огульное и искаженное ее.

Какую цель преследовал В. Назаренко, предавая гласности свое «сочинение», приемы создания которого напоминают приемы чуждой советскому обществу прессы, нам неизвестно. Но вот почему журнал «Крокодил» считал возможным так легкокомисленно подойти к столь сложному и важному литературоведческому вопросу — об этом хотелось бы узнать. Может быть, редакция журнала не имеет ни одного подобия фельетонистки и есть наиболее компетентные специалисты в вопросах творчества Александра Блока!

- Г. БЛОК, кандидат филологических наук, Л. БОРИСОВ, писатель, А. БУШМИН, профессор, П. ГРОМОВ, кандидат филологических наук, С. КАСТОРСКИЙ, доктор филологических наук, профессор, В. КОСТЕЛЯЦЕВ, кандидат филологических наук, Д. ЛИХАЧЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР, Д. МАКСИМОВ, кандидат филологических наук, И. МУРАТОВА, доктор филологических наук, Г. ФРИДЛЕНДЕР, кандидат филологических наук, Б. ЭЙХЕНБАУМ, доктор филологических наук, профессор.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

Высокая честь — высокая ответственность. Вагана Рубеновна Газаряна как депутата Верховного Совета волнуется решительно все. И как выполняются государственные планы, и как отдыхает, учится молодежь, и как будет выглядеть после реконструкции районский район Еревана. Вот он у архитектора Эдуарда Аветисовичем Серяпином обсуждает новые проекты зданий.
— Каждый автор очерков о Сибири наших дней, — а их появилось уже немало, — находит особый, близкий себе поворот этой необходимой темы. Есть он и в скромном по размерам очерке Адольфа Таллица. Перед лицом открывшейся ему прекрасной природы Сибири, ее интереснейшей истории и творимого сегодня будущего гость из Латвии глубоко ощущает крошечную принадлежность к могучей Советской Родине:
— Каждый автор очерков о Сибири наших дней, — а их появилось уже немало, — находит особый, близкий себе поворот этой необходимой темы. Есть он и в скромном по размерам очерке Адольфа Таллица. Перед лицом открывшейся ему прекрасной природы Сибири, ее интереснейшей истории и творимого сегодня будущего гость из Латвии глубоко ощущает крошечную принадлежность к могучей Советской Родине:
— Каждый автор очерков о Сибири наших дней, — а их появилось уже немало, — находит особый, близкий себе поворот этой необходимой темы. Есть он и в скромном по размерам очерке Адольфа Таллица. Перед лицом открывшейся ему прекрасной природы Сибири, ее интереснейшей истории и творимого сегодня будущего гость из Латвии глубоко ощущает крошечную принадлежность к могучей Советской Родине:

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

«ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ЗАРЯ СИБИРСКОГО КРАЯ! КАК ДОМА...»

«Одно из величайших преимуществ советского человека ведь в том и заключается, что всюду, на всей обширной Родине, он может чувствовать себя как дома».
«Как дома» чувствует себя на Байкале и молодой литевец Антон Закайтис, механик флотилии биологической исследовательской станции Иркутского университета. «Я влюблен в Байкал, — говорит он автору, — берега его мне кажутся прекраснейшим местом на земле».
Среди героев богатого революционного прошлого Сибири А. Таллис вспоминает и латышские имена: ссыльного — революционного публициста Фр. Розинь-Лизиса, писателя-большевика Роберта Эйдемана...
Повсюду в Сибири — в Иркутске, на строительстве Братской ГЭС, в Якутии — Таллис встречает людей из разных концов СССР, «представляющих решительно всех национальностей нашей страны».
В содержательных путевых заметках, опубликованных в журнале «Коммунист Советской Латвии» (№№ 10—11), раскрывается идея неразрывной дружбы советских народов. В этом их большое достоинство.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ

5. А случается так, что по пути в колхоз, который входит в избирательный округ, приходится сделать непредвиденную остановку... Что же, рабочим руками такая «авария» не страшна.

ПОЭЗИЯ — В ПРАВДЕ

С ПЕКТАКЛЬ Московского драматического театра «Сердце девичье затуманилось» В. Курочкина и Б. Равенских вызвал дискуссию. «Известия», «Московская правда», «Ленинские знамя», «Вечерняя Москва», «Литературная газета» отозвались о нем осуждительно, «Советской культуре» он понравился. Из напечатанной здесь статьи Л. Барулинной мы не без удивления узнали, что «Сердце девичье затуманилось» — не просто удача, а удача принципиальная, поучительная для всего советского театра.

Если бы не этот акцент, мы бы не стали возвращаться к спору о «Сердце девичьем». На фоне целой «своты» критиков, дружно упрехивших постановщика спектакля В. Равенских в манерности, слащавости и т. п., один восторженный «поручик» мол, разумеется, маркировать как ему угодно. Но этот «поручик» так настаивал на том, что именно он держит равнение, как надо, тогда как все остальные якобы идут не в ногу, путают ориентиры, что появилась настоящая необходимость в том, чтобы трезво разобраться — где дорога, а где обочина.

Л. Барулинна характеризует «Сердце девичье» как «спектакль-праздник» — так прекрасен мир, в который помещал своих героев постановщик Равенских — и на этом основании противопоставляет его «натуралистически-бытовому театру», «театру приземленному, с наклон-носью не только воссоздать, но и воспеть некоторую грязную, которую ушербинок». Одно это уже придает его защите спектакля особую весомость.

Ведь главным, основным всегда был и будет для нас вопрос об отношении художника к жизни, о его идейной позиции. И если спектакль «Сердце девичье» на самом деле служит утверждению жизни, воспеванию

того, что составляет ее силу, красоту, правду, то надо, конечно, возражать и против ложной театральности, и против вычурного манерничества, и против грубого вкуса, то есть против всего того, что, как признает и Л. Барулинна, мешает Равенским, но никак нельзя в этом возмражении сводить весь разговор о спектакле. Ибо, споря против всего того, что мешает полноценному проявлению основной художественной тенденции спектакля, самую эту тенденцию следовало бы горячо поддержать. Такая тенденция и впрямь нам очень дорога! Дорога и сама по себе, в силу своего соответствия жизнотверждающему, мажорному мировоззрению советских людей, и, так сказать, полемически. Чего греха таить, нам и впрямь до обидного душно бывает на спектаклях, где маленькие обиды и трезволиющие людей, ничего не представляющих и ничего в нашем обществе не объясняющих, походятся с таким надрывом и философической многозначностью, будто именно в них и заключена какая-то до сих пор недоступная нам правда. И если спектакль Московского драматического театра отбивает у этих пьес хотя бы пять-десять вечеров, отбивает во имя утверждения красоты и правды нашей жизни, этому, повторяем, следовало бы только радоваться, каковы бы ни были конкретные художественные просчеты режиссера.

Только вот насколько оправдана та высокая аттестация, которую дает «Сердцу девичьем» рецензент «Советской культуры»? Верно ли, что в этом спектакле торжествует поэтическое видение нашей жизни? Не странно ли, что критики, писавшие о нем до Л. Барулинной, как раз этого и не заметили...
Откройте хотя бы статью В. Сухаревича в «Известиях». В ней много говорится о том светлом, красивом, что так богато и радостно раздвигается сейчас в колхозной деревне, и именно с этой точки зрения осуждается спектакль «Сердце девичье затуманилось». Критик находит отражение нового подтема, переживаемого сейчас колхозным крестьянством, в вахтанговской «Странухе», даже в «Выходном женихе», постановленном Театром имени Моссавета, а о спектакле «Сердце девичье» отзывается как о «внутренне пустом», творчески противостоит железобетонной правде той же «Странухи».

Естественно, что, встретившись с таким разительным расхождением в восприятии одного и того же спектакля, мы ждем от Л. Барулинной, чтобы она по пунктам, конкретно объяснила, в чем же именно состоит поэзия и красота спектакля «Сердце девичье»?
Свою статью она начинает с ноты, в которой сразу же звучит умиление: «Небо в этом спектакле синее-синее, чуть синее, чем настоящее... Березы чуть белее...»
А сообщив это, тут же переходит к описанию сцены на синеоформе: «Идеальная чистота, сверкающие белой халаты и бубет цветов на столе. В руках у колхозниц не грабли, а учебники по свиноводству».
Заканчивает это описание многозначным вопросом: «Что это — правда жизни или стилизация, «лакровка»?»
По в приведенном описании нет пока ни правды жизни, ни «лакровки». Потому что и синее небо, и цветы на столе — все это не правда и не стилизация, а просто внешние элементы сценической изобразительности, которые приобредают то или иное значение только в связи с тем, как раскрываются в этой сцене люди, их внутренний мир. Если бы поэтическое видение жизни зависело от белых халатов на актерах, то достигшие, возмущившие Л. Барулинну, легко можно было бы перекрыть. Халаты ведь можно было бы надеть и шелковые, и пайоновые, и с кружевом, и вышитые. Стоит ли скрупулезно, когда от недростки костюмерной, оказывается, зависит быть данному спектаклю сопоставленным к поэтическим или к натуралистически приземленным!
Но, увы, поэзия в театре не зависит ни от белых халатов, ни от белых березок. Она зависит только от того, насколько значительное, поэтично раскрыт в спектакле внутренний мир людей, насколько богато и полно отразилась в нем красота и человечность нашей советской жизни, нашей коммунистической морали. Поэзия не боится ни серых туч над головой героев, ни граблей (фи, какая проза!) в их руках, потому что наша поэзия имеет дело со всем тем, что составляет реальную полноту нашей жизни, и заключается не в чистоплюйстве и внешней прилизанности, а во взгляде на жизнь — мужественном, высоким, чистом, но содерзательно-эстетском, а революционно-действенным, исполненным внутренней силы и энергии.
Л. Барулинна несколько раз на протяжении своей статьи противопоставляет «поэтичную» внешность героев «Сердца девичья» «грубым сапогам» и «ватникам, которые носят персонажи в других колхозных пьесах». Но мы решительно не в состоянии понять, почему ей кажется, что перед зрителем на таких спектаклях стоит дилемма: смотреть на «грязные сапоги» или заглядывать «в души людей». Откуда это противопоставление? Оно может возникнуть только в том случае, если люди, обутые в «грязные сапоги», внутренне бедны, незначительны (но в этом случае им не помогли бы и лакированные лодочки); если же люди сильны духом, упорны в труде, одержимы высокой мечтой, то разве их красоту не разглядшишь, пока на них не будет пайоновых халатов? Откуда у критика такое презрение к грубому быту? Откуда та-

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

Этот везучий год

РАССКАЗ

— Э, брат, когда эта самая штучка падет тебе на голову, — трудно за себя поручиться. Я хорошо понимаю Кадрыра. И сочувствую ему. У нас со временем погони, брат, честь превыше всего. А иначе нельзя! Я спрашиваю: кровь в наших жилах или водичка? Свет на чести держится, а на бесчестии и до вечера не дотянешь. Верно говорю?
Тандел Доуа беседовал со своим соседом через плетень. Его голос, отдававший звоном металла, хорошо был слышен в маленькой комнате, в которой прятался до смерти напуганные мать и две дочери...
— Мы своих абхазских обычаев просто так забывать не должны! Ежели задета честь, — либо задыхайся от злости, либо дай ей выйти наружу, — продолжал Тандел...
Младшая дочь, услышав эти слова, прижалась к сестре и горно зарыдала. Старшая же не глядела ее по волосам, пытаясь успокоить.
— Будь я не место Кадрыра, переломал бы ребра этому негодю, — громыхал Тандел возле плетня...
— Слышите? Слышите? — прошептала мать, дрожа всем телом. Это была худшая, состарившаяся раньше времени женщина.
Старшая дочь, что называется, — копия матери и лицом, и характером: трудолюбивая, крепкая, с правильными чертами, сильная. Она могла соревноваться в работе на табачной плантации с любым из мужчин, пропащаясь всеходы или ломая спелые листья.
А младшая... Ах, эта егоза, доставлявшая хлопоты с самого детства! Некрасивая будто, но шустрая, точно друг, и с притягательным огоньком в глазах...
— Ежели сын твой напакостил, — сердито продолжал Тандел, — гони его прочь! Гони подалше! Честь в конце концов, всего дороже! Поскольку сосед полностью разделял его

Взгляды и спорить было не о чем, Тандел пере-

менил тему разговора.
— Значит, и ты видел эту удивительную звезду? — спросил сосед.
— А как же! — вскричал Тандел. — Она медленно проплыла в небе, точно рыба против течения. И на что, оказывается, способен человек: звезды для себя мастерил!...
— Слава богу, — сказала мать, вытирая красные от слез глаза. — Кажется, оставил в покое этого Кадрыра вместе с неупетым сыном... И все-таки как открылся перед ним? Язык не повернется!.. Ну, негодница, — обратилась она к младшей, — отвечай: как быть?.. Вот до чего довела ты нас! Одна теперь забота: как бы отец не убил тебя. Это, ей богу, было бы справедливо!.. Ты понимаешь, что заплотнала честь семьи? Или ты ничего не смыслишь?
Дочь продолжала всхлипать. Мать, не дождавсь от нее ответа, прильнула к щелке в дощатой стене.
— Они все говорят об этой самой звездочке, что на Луну полетела... Отец отошел от плетня... Да потише ты, распутица! — прикрикнула она на дочь, которая снова залилась слезами. — Ты бы лучше поплакала там, в лесу, под тем самым кустиком... Вот проведает обо всем отец — и всех нас перебьет... Я-то его знаю! В молодости чуть было не пристрелил меня. А за что? Только за то, что какой-то неманюгой мужичка глаза на меня палили. Вот он какой!
— Мама, — сказала старшая, душевное равновесие которой совершенно нарушилось, — давай-на все сама рассказай. Ведь живота не спривещ. Пови он какой у нас!
Младшая встала, точно судорогой. Она начала задышаться. Мать побежала за водой, быстро вернулась и стала брызгать ей на лицо...
— Доченька, доченька, — приговаривала она, — ну, не плачь, не плачь... А впрочем, плачь — вудру крикнута она. Ее снова охватила гнев. — Спугалась с каким-то беснabaшимым. С бездельником. Неучем. Что в нем? Только рост, только смазливое лицо. Да что же выбирает таких? Я спрашиваю тебя: кто?
— Он... он... он... — снова рыдала говорит виновница всех бед, — хорошие говорил слова... Он... он... обещал...
— Обещал! Говорил! А башка у тебя есть? — Обещал... Я, говорю...
— Женишься обещал? А что он из себя представляет? Бесстыжий, на отцовской шее сидит! На крыльце закричали половицы. Женщины тут же приуменьшили.
— Эй, вы, куда запропастились? — снова зарогмыхал Тандел.
— Иду, иду.
Мать привела себя в порядок, заулыбалась, стараясь подольше сохранить свою улыбку, и помчалась на мужнин зов.
Тандел распростерся на наре, закинул ногу

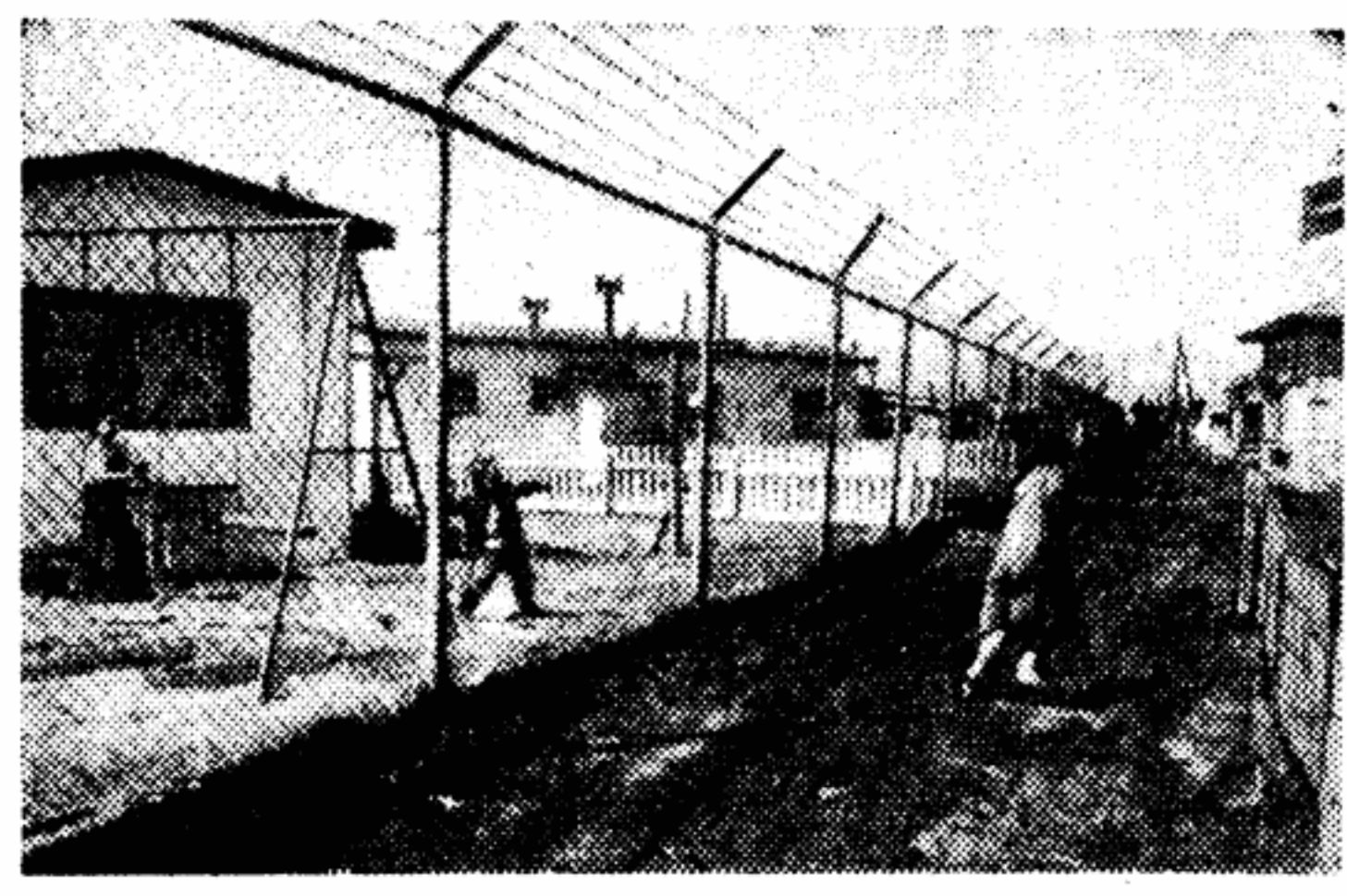
на ногу. Потянулся, да так, что кости хруст-

нули.
— Весна горонится, — сказал он весело, — еще неделя — и можно в поле... О чем это вы все уgro шушукаетесь?
Он посмотрел на жену сверлящим взглядом, от которого ее всегда продирали холодоки. Небрежно крутанув ус, точно заводную ручку автомашины, на которой работал вот уж десять лет, Тандел потребовал воды.
— В одно мгновение, — с величайшей готовностью отвечала женщина. И действительно, вода появилась в одно мгновение.
— Ты слышала про этого Кадрыра и его сына? — сказал Тандел, возвращая жене пустую кружку. — Каков гусь, а? Да таких детей, которые честь родительскую питают, собственноручно удавил бы. Понимаешь? — напились, подрались и уйти к воришкам в город! Каково?.. А где же все-таки твои девицы?
— Чуть?
— Я спрашиваю, где?.. Погоди, погоди... — Тандел приподнялся на локтях. — Ты что от меня скрываешь, хозяйка?
— А что?
— Да на тебе же лица нет! — На мне?
— Нет, на нашем буйволе! — грубо прикрикнул он.
Она привыкла к этому. Но всегда находила оправдание: он груб только на первый взгляд, а сердце у него доброе. Так ей казалось. Уже давно. Не первый год...
Тандел присел, широко расставил ноги на полу.
— А ну, выкладывай, что на кухне стряслось.
Женщина минутку колебалась, а потом, рыдая, пригасила за руку ошалеющую от стыда и страха дочь.
— Вот она здесь, — сказала женщина, на всякий случай становясь между мужем и дочерью.
Худенькая Нэзия не смела поднять глаз. Волосы ее спутаны. Платки было помято, дрожжаче пальцы туго сплетены...
— Что это за чуточко? — спросил Тандел.
— Твоя младшая дочь.
— А что с ней?
— Даже стыдно сказать, — ответила жена. Тандел насторожился.
— Что это значит?
— Она опозорила и себя, и нас.
Тандел побелел.
— Что ты хочешь сказать, хозяйка?
— Она опозорила нас, — повторила та едва слышно.
Хозяин смотрел на обеих с неясненным чувством безразличности, смешанным с таким количеством злобы, которая немедленно должна была привести к взрыву. Силой этого взрыва

могло разорвать в клочья не только мать и

дочь, но и похоронить всю опозоренную семью под развалинами дома.
Первым, естественным побуждением было оторвать голову проклятой девчонке...
Однако он молчал, ничего не предпринимая... Трудясь на автомашинах и тракторах, Тандел выработал в себе одно недурное качество: если что-нибудь не ладится в закипании (оно, с его точки зрения, требовало к себе наиболее тонкого подхода), — не волнуясь, перекурив, обмозуй, что и как. Это, пожалуй, было одним из важных приобретений его души с тех пор, как два десятка лет тому назад он оставил буйволов и плуг, а свое поле передал артели. Вот и сейчас Тандел твердо решил поступить точно так же, как с закипаньем, ибо эти проклятые женщины не менее тонкие штучки...
Он достал сигарету, но долго не мог зажечь спички: они ломались одна за другой.
— Убирайтесь с моих глаз, — прошипел он. И женщины, точно тени, тихонько выскользнули из комнаты.
Дом Тандела Доуа погрузился в тишину. Женщины перестали плакать, боясь нарушить безмолвие. Дети старшей дочери присмирели у очага. И кури, и индюки, казалось, тоже опасались нарушить тишину...
Так продолжалась часа два.
Эти сто двадцать минут прошли в семье Доуа, как сто двадцать лет.
Глава семьи полагал, что ему во что бы то ни стало надо выгнать дочь, проклятая ее навечно и вдобавок избить до полусмерти. Пусть подыхает! Но почему-то не решался на это. И, как ни странно, искал смягчающих ее вину обстоятельств...
А дочь готова была броситься в реку, как бросилась в стародавние времена. Но что-то удерживало девушку от этого шага.
Мать и сестра пытались возненавидеть Нэзию, но тоже почему-то не могли этого сделать... С трудом разбираясь Тандел во всей этой чертовщине, но поемногу нацупывал какой-то выход, каюк-то решение этого проклятого вопроса...
Наконец, хозяйка громко кашлянула, и хозяйка понеслась к нему, как угорелая, проклиная свою безголовую дочь...
Тандел возлежал, окутанный клубами табачного дыма. На полу валялись окурки, — ныче он их разбрасывал как попола.
И вот он задал вопрос невдомому кому. Отвечала же на вопрос трещающая хозяйка. «Нет, беды не миновать», — уверяла она себя.
— Кто он? — спросил Тандел.
— Мухаг, сын Карамана, — последовал ответ.
Тягостное молчание...
— Так, Этот бездельник, значит? — сказал Тандел.

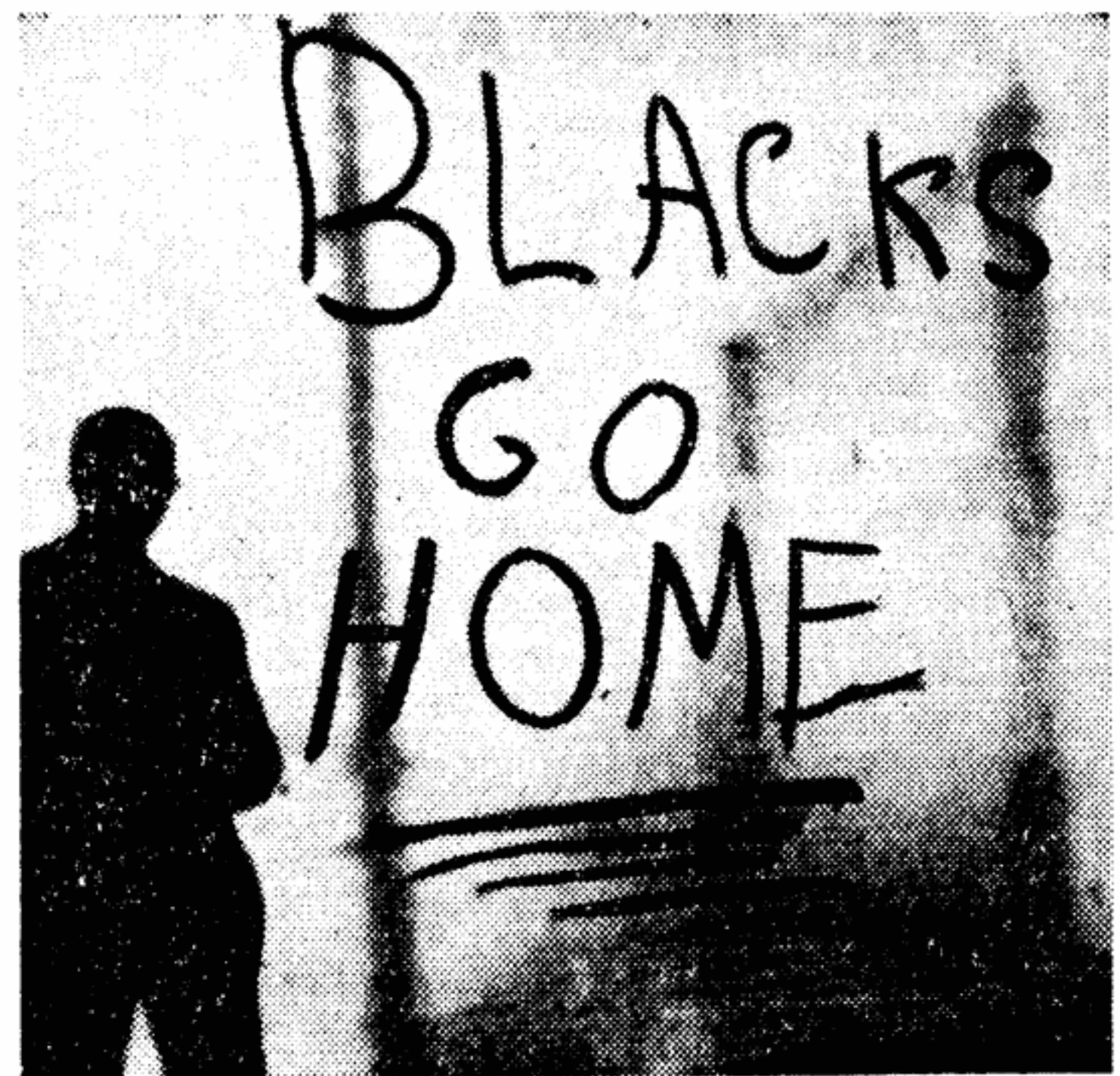
— Да, он.
— А много этому времени?
— Пять месяцев.
— Свадьба будет, что ли?
— Да, — солгала жена.
— Нет! Нет! Нет! — неожиданно взревел Тандел. — Не вытаскивай этому! Не выдай дочь за бездельника.
— Позор, позор! — проговорила женщина и упала к нему на грудь.
Он и пальцем не пошевелил, чтобы успокоить ее. Он был очень зол на жену — не уберегла дочь.
— Да, позор, — сказал он, заступив окурки под самый потолок. — Будет позор, ежели мы сами захотим его... Не надо делать позора. И не будет его. Слышите?
Женщина не понимала всей этой премудрости.
— Не лей задаром слез, — посоветовал Тандел. — Мы все выинавим. И ты, разумеется, Да, ты! За дочерью смотри над! И не смей возражать!
— Нет, я просто так...
— И просто так не возражай! Плохо, очень все это плохо. Но раз случилось — не кричи на весь свет, словно помер кто-нибудь. Как видно, вынавиваю и мы с тобой... А бездельником звать не хочу! Дочь будет с нами! Ну и тот, разумеется, маленький... Но время, кажется, и пообедать...
— Ейна подила нас, — посоветовал он. — Это очень вредно в ее положении...
Хозяйка что-то пробормотала и на радостях поспешила на кухню — маленькое строение на задворке.
Она внимательно оглядела дочерей и внуков. Поправила темный платок на голове.
— Пора готовить обед, — строго сказала она. — Ваш отец проголодался.
И все вдруг завертелось, заходило, задвигалось, зарогмыхалось, зарыдало, затарахтело, загворило: Провалилась куда-то тишина. Окинул дом. Вздохнула семья. И только одна Нэзия не могла еще полностью осознать всего того, что творилось вокруг...
— Ваш отец, кажется, невозможно переменить, — между прочим сказала мать, замешивая тесто.
А на дворе было солнечно, было тепло.
Эго над горами и морями стоял ноябрьский день.
Был 1959 год — этот, должно быть, везучий год.
СУХУМИ — МОСКВА

Французские негроиды, гласит: «Дети, которые хотят покинуть родной дом... Почему же они хотят это сделать? Оказавшись на территории Мисава, расположенной в американской военно-воздушной базе, занимает она 18 тысяч квадратных метров. На базе — 10 тысяч американских солдат и членов семей. Жить и учиться в городе, когда с пикирующих самолетов нередко срываются бомбы...»

БЕЙ ЕЕ, БЕЙ!...

Мисава — обыкновенный провинциальный японский городок, как и десятки в префектуре Аомори. Но не так давно он привлек к себе всеобщее внимание. «Асахи пикчер ньюс» — один из крупнейших иллюстрированных журналов Японии — посвятил Мисава две странички фотографий с текстом. Заголовком к снимкам, напечатанным крупными негроидными буквами, гласит: «Дети, которые хотят покинуть родной дом...»

«ЧЕРНЫЕ, ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ДОМОЙ» — эту надпись увидели негритяские ученики, являющиеся на занятия в школу. Нет, не на юге Соединенных Штатов, снимающем печальную известность своей нетерпимостью к «цветным», облекая она. Надпись появилась на стене школы в Риджвуд-Глендейл — одном из районов Нью-Йорка, когда триста негритянских ребят были переведены из района Бруклина в «белые», менее переполненные школы.

«ДЕМОКРАТИЯ» БРОНЕВИКОВ

Взгляните на снимок: броневик. Где и для чего он используется? В Южно-Африканском Союзе, но не для борьбы с чужеземным врагом, а как пишет южноафриканская газета «Нью эйдж», для подавления «внутренних беспорядков».

Чем вызываются в Южно-Африканском Союзе подобные «беспорядки», известно всему миру, — разгулом расистского провозвела в стране, страшным террором, грубым попранием элементарных прав человека. Власть ЮАС по-прежнему трактует понятие свободы слова: для «непринужденного разговора» с народом они закупились восемьдесят таких броневиков... Что ж, пулеметы и пушки — убедительные аргументы, к которым нередко прибегает буржуазная демократия. Это хорошо знают чернокожие граждане Южной Африки. Именно их имеет в виду изображенный на рисунке (слева) известный расист, южноафриканский премьер-министр Феруд, говоря: «Эти танки заставят их согласиться с нами гораздо быстрее!»

Отповедь американского журнала

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Советского Союза о всеобщем и полном разоружении, по единодушному признанию, положило начало новой эпохе в истории международных отношений. Миллионы людей с надеждой смотрят теперь в будущее, открытые тем, что великая Советская держава всю свою мощь обращает на предотвращение войны и призывает к этому все страны. И не случайно стремления определенных кругов на Западе воспринимать ослабление международной напряженности часто встречают ныне резкое осуждение.

Успех советской книги

Два дня в Париже работала выставка советской книги. На четверть километра растянулись стеллы, уставленные тысячами разнообразных, красочных оформленных томов. Два дня подряд в дом № 94 по улице Жан-Пьера Тембо несомненным потоком шли парижане, стремясь узнать правду о Советском Союзе, — заглянуть с помощью книги — в истоки нынешних блестящих успехов советских людей.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

РОМАН, по выражению Стендаля, — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы... Если это так, то как же мало может уместиться в крохотном осколке зеркала — рассказ! Поэтому особенно важно, чтобы имено и под каким углом зрения отражался в нем по воле автора... Эта не новая мысль об ответственности жанра, — а к нему иной раз, ввиду его «малого роста», относятся снисходительно — обращена, разумеется, не только в адрес трех книг современных американских рассказов, о которых пойдет речь ниже. Но к ним она имеет самое прямое отношение.

Трудные судьбы

«Джо, исчезающий американец». У этого Джо — ни жены, ни детей, ни тяги к комфорту, и поэтому он может разрешить себе кочевать по стране и бросать работу, когда ему становится от нее тошно. Растерянному юнцу Уолтеру, который, мучаясь на заводе, пытается скопить деньги для колледжа, «исчезающий американец» говорит с холодной злостью: «Сколько у нас шумят, что мы практичный народ, что мы показали всем неправичным европейским мечтателям, как производством можно служить людям. Но вместо этого люди служат производству. Погляди, в какой истерике хозяева, стоят лишь остановиться — конвейер. Им «не по средствам» разбираться, чего стоит тебе держать его в движении. Разумеется, когда рынок забит, начинаются все другие разговоры...»

ПОЭЗИЯ — В ПРАВДЕ

Искусство не утешительное пропиец, даже если оно выражено не с такой искренностью, как у Дашы Барулиной. Но, впрочем, может быть, и не следует слишком уж докучать авторам спектакля, добываясь от них жизненной логики происходящего. Хорошо же и то, что в пятой картине пьесы вдруг выходит из тихого затоника сердечных страданий на простор общественной жизни, общественно-значимых интересов. Беда только, что «производственный мотив», вписанный в историю любовных неудач Дашы, на историю с горюхом и обрывается. Он так и остается поэтому всего лишь небольшой интермедией, чисто механически вставленной в основной сюжет. Во всяком случае, никакого влияния на все происходящее во второй половине пьесы появление Дашы на свиноферме не оказывает. Наскороборвав проблему белковых кормов, автор спешит вернуться в треугольник Митя — Даша — Антон. И тут выясняется, что роковой лесник вовсе и не думал серьезно относиться к своему роману с Дашей. Одновременно он вел атаку также и на свиноварку Татьяну — только на этот раз он не читал Блока, а на руках переносил Татьяну через окрестные ручьики, попутно жалась ей на разбитую жизнь. По видимому, проделывал он это не без вынужденности, так как Татьяна тоже мгновенно влюбилась в Антона, после чего, траво оценив ее материальную обеспеченность, Антон по всей форме предостерег ей руку и сердце. Бедная Даша остается ни при чем. Правда, обманутый муж тут же является с просьбой позвать пришедшее и вернуться домой, но Даша не вмешивает его уговорам и весь последний акт страдает, ожидая возвращения Антона.

Искусство не утешительное пропиец, даже если оно выражено не с такой искренностью, как у Дашы Барулиной. Но, впрочем, может быть, и не следует слишком уж докучать авторам спектакля, добываясь от них жизненной логики происходящего. Хорошо же и то, что в пятой картине пьесы вдруг выходит из тихого затоника сердечных страданий на простор общественной жизни, общественно-значимых интересов. Беда только, что «производственный мотив», вписанный в историю любовных неудач Дашы, на историю с горюхом и обрывается. Он так и остается поэтому всего лишь небольшой интермедией, чисто механически вставленной в основной сюжет. Во всяком случае, никакого влияния на все происходящее во второй половине пьесы появление Дашы на свиноферме не оказывает. Наскороборвав проблему белковых кормов, автор спешит вернуться в треугольник Митя — Даша — Антон. И тут выясняется, что роковой лесник вовсе и не думал серьезно относиться к своему роману с Дашей. Одновременно он вел атаку также и на свиноварку Татьяну — только на этот раз он не читал Блока, а на руках переносил Татьяну через окрестные ручьики, попутно жалась ей на разбитую жизнь. По видимому, проделывал он это не без вынужденности, так как Татьяна тоже мгновенно влюбилась в Антона, после чего, траво оценив ее материальную обеспеченность, Антон по всей форме предостерег ей руку и сердце. Бедная Даша остается ни при чем. Правда, обманутый муж тут же является с просьбой позвать пришедшее и вернуться домой, но Даша не вмешивает его уговорам и весь последний акт страдает, ожидая возвращения Антона.

Искусство не утешительное пропиец, даже если оно выражено не с такой искренностью, как у Дашы Барулиной. Но, впрочем, может быть, и не следует слишком уж докучать авторам спектакля, добываясь от них жизненной логики происходящего. Хорошо же и то, что в пятой картине пьесы вдруг выходит из тихого затоника сердечных страданий на простор общественной жизни, общественно-значимых интересов. Беда только, что «производственный мотив», вписанный в историю любовных неудач Дашы, на историю с горюхом и обрывается. Он так и остается поэтому всего лишь небольшой интермедией, чисто механически вставленной в основной сюжет. Во всяком случае, никакого влияния на все происходящее во второй половине пьесы появление Дашы на свиноферме не оказывает. Наскороборвав проблему белковых кормов, автор спешит вернуться в треугольник Митя — Даша — Антон. И тут выясняется, что роковой лесник вовсе и не думал серьезно относиться к своему роману с Дашей. Одновременно он вел атаку также и на свиноварку Татьяну — только на этот раз он не читал Блока, а на руках переносил Татьяну через окрестные ручьики, попутно жалась ей на разбитую жизнь. По видимому, проделывал он это не без вынужденности, так как Татьяна тоже мгновенно влюбилась в Антона, после чего, траво оценив ее материальную обеспеченность, Антон по всей форме предостерег ей руку и сердце. Бедная Даша остается ни при чем. Правда, обманутый муж тут же является с просьбой позвать пришедшее и вернуться домой, но Даша не вмешивает его уговорам и весь последний акт страдает, ожидая возвращения Антона.

Искусство не утешительное пропиец, даже если оно выражено не с такой искренностью, как у Дашы Барулиной. Но, впрочем, может быть, и не следует слишком уж докучать авторам спектакля, добываясь от них жизненной логики происходящего. Хорошо же и то, что в пятой картине пьесы вдруг выходит из тихого затоника сердечных страданий на простор общественной жизни, общественно-значимых интересов. Беда только, что «производственный мотив», вписанный в историю любовных неудач Дашы, на историю с горюхом и обрывается. Он так и остается поэтому всего лишь небольшой интермедией, чисто механически вставленной в основной сюжет. Во всяком случае, никакого влияния на все происходящее во второй половине пьесы появление Дашы на свиноферме не оказывает. Наскороборвав проблему белковых кормов, автор спешит вернуться в треугольник Митя — Даша — Антон. И тут выясняется, что роковой лесник вовсе и не думал серьезно относиться к своему роману с Дашей. Одновременно он вел атаку также и на свиноварку Татьяну — только на этот раз он не читал Блока, а на руках переносил Татьяну через окрестные ручьики, попутно жалась ей на разбитую жизнь. По видимому, проделывал он это не без вынужденности, так как Татьяна тоже мгновенно влюбилась в Антона, после чего, траво оценив ее материальную обеспеченность, Антон по всей форме предостерег ей руку и сердце. Бедная Даша остается ни при чем. Правда, обманутый муж тут же является с просьбой позвать пришедшее и вернуться домой, но Даша не вмешивает его уговорам и весь последний акт страдает, ожидая возвращения Антона.